

Первая из друзей

Дмитрий Хворостовский выступил с Рене Флеминг

Газета "Коммерсантъ" №22 от 08.02.2006, стр. 21

В Большом зале консерватории дали совместный концерт выдающийся отечественный баритон Дмитрий Хворостовский и известнейшее американское сопрано Рене Флеминг. Выступление двух оперных звезд, открывшее, как выяснилось, серию "Дмитрий Хворостовский and friends", сопровождал Государственный камерный оркестр Константина Орбеляна. Рассказывает СЕРГЕЙ Ъ-ХОДНЕВ.

Дмитрий Хворостовский, в последние годы приезжающий в Москву по разу, а то и по два за сезон, не так часто выступает на академических площадках. Последний раз такой площадкой был под новый, 2005 год Светлановский зал Дома музыки, где певец солировал в праздничном гала Владимира Спивакова. Остальные выступления тяготеют и к другим масштабам (Красная площадь и Кремлевский дворец), и к другим жанрам; достаточно вспомнить "Песни военных лет" — наверное, наиболее широко известную нынче его концертную программу.

Так что даже само по себе появление знаменитого баритона с исключительно оперной программой и на сцене БЗК претендовало бы на экстраординарность. Но вдобавок этим же концертом Дмитрий Хворостовский впервые представлял московской публике американскую примадонну Рене Флеминг. Именно представлял: неожиданно взяв слово перед концертом, певец рассказал, что этот концерт — первый в серии "Дмитрий Хворостовский and friends" (роскошный английский акцент и типично британская линия интонации) и что госпожа Флеминг — его любимая сценическая партнерша.

Такой формат, вообще-то говоря, для нашей академической сцены новость. Тем не менее в отношении визуальной части, например, все обстояло достаточно просто и канонично. Разве что в дуэтных номерах — сцена Жермона и Виолетты из "Травиаты" и финальная сцена "Евгения Онегина" — звездная пара выстраивала некоторое подобие мизансцен, театрализуя собственное поведение сообразно исполняемому тексту. Это "молодежь" вроде Анны Нетребко и Роландо Вильясона может себе позволить бросаться апельсинами в зал и вообще вести себя

несерьезно. Здесь все было по-взрослому и серьезно до невероятия. Хворостовский--Жермон угрожающе наклонялся над съезжившейся и рыдающей (с правдоподобным чахоточным надрывом) Флеминг--Виолеттой. Флеминг--Татьяна величественно указывала на дверь коленопреклоненному Хворостовскому--Онегину. Жесты эффектны, позы традиционны: оперные звезды, твердо и без сомнений знающие себе цену.

Насчет "послушать" все было прихотливее и менее предсказуемо. Рене Флеминг, прославившаяся в том числе и как штраусовская певица (а оперы Рихарда Штрауса — репертуар достаточно требовательный к объему и силе голоса), демонстрировала уж скорее осторожность и деликатность камерной исполнительницы, особенно поначалу. Предсмертная "песня об иве" Дездемоны из "Отелло" Верди, открывшая концерт, прозвучала у нее почти целиком вполголоса. Причем легких, летящих верхов, которые были бы столь уместны в таком случае, расслышать не удалось. Виолетта в пресловутой сцене из "Травиаты" звучала уже решительнее и полновеснее. Здесь уже можно было, несмотря на внезапно появившуюся избыточную экспрессивность манеры, оценить фирменный драматический тембр певицы — богатый, глубину и мягкость сочетающий с яркой и запоминающейся окраской. В заключительной сцене "Онегина", завершавшей и концерт, Рене Флеминг дала повод оценить решительность и мужество, с которыми ее Татьяна преодолевала не только мучительную противоречивость чувств, но и мучительную русскую фонетику. Но, пожалуй, самыми эффектными моментами ее выступления оказались два номера, от которых сильных впечатлений ждали не все. Первый — песня Рихарда Штрауса "Цецилия", второй — совсем уж абсолютный раритет, сцена Мариетты из оперы "Мертвый город" Эриха Корнгольда.

Они звучали в начале второго отделения и составляли занятный контраст "русскому" окончанию концерта (сцены из "Хованщины", "Князя Игоря", того же "Евгения Онегина"). С другой стороны, контраст возникал и с работой Дмитрия Хворостовского: свою часть концерта знаменитый певец провел довольно неровно. Во-первых, стилистически. Ария Ирода из "Иродиады" Массне не выдавала в певце особой уверенности в области французской стилистики. Однако по сравнению с русским репертуаром (Шакловитый, Игорь, чуть в меньшей степени Онегин) даже и Верди звучал несколько вымученно. Во-вторых, можно было посетовать на недостаточную звучность низов (особенно заметно это было в

арии графа ди Луна "Il balen di suo sorriso") и некоторую пережатость в верхнем регистре, иногда весьма заметную. Скажем, для пущей эффектности поставленные в конец второго отделения куплеты Эскамильо из "Кармен" бешеные восторги зала вызвали, боюсь, благодаря шлягерности самой мелодии, а не благодаря техническому уровню исполнения. Тем неожиданнее были его благородно и сильно исполненные Шакловитый и князь Игорь.

Впрочем, куда неожиданнее было то, что блеснуть получилось в результате и еще одному участнику концерта — хору Академии хорового искусства. Вопреки традиционно декоративно-дежурному положению хора в концертах такого рода, на которое вроде бы и не принято досадовать, с неожиданной выразительностью и мастерством спел редкий в подобных случаях хор поселян из оперы "Князь Игорь", чем окончательно закрепил атмосферу а-ля рюс во второй половине концерта, начавшегося столь космополитично.

[Первая из друзей – Газета Коммерсантъ № 22 \(3353\) от 08.02.2006 \(kommersant.ru\)](#)